

КЛАРИССА САБАР

ТАЙНА
ДОМА
САГАПАНТАМИ

ФЛОРА И ЖОЗЕФИНА

Три сестры. Три поколения.
Один секрет

Кларисса Сабар
Тайна дома с агапантами.
Флора и Жозефина
Серия «Все счастливые семьи (Азбука)»
Серия «Тайна дома с
агапантами», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74436656
Тайна дома с агапантами. Флора и Жозефина: Москва; 2026
ISBN 978-5-389-34816-5*

Аннотация

Флора, успешная американская галеристка, отчаянно нуждается в убежище – она выступила с обвинениями против известного человека, и резонанс этой тяжбы начинает серьезно влиять на ее жизнь и работу.

Однако есть одно дело, которое она откладывала в долгий ящик: продать дом в Нормандии, что достался ей в наследство. Но по приезде Флору окружает вдруг столько воспоминаний о детстве и семье, приветливых соседей и чудес природы, что ей не хочется расставаться с особняком.

Да и как ей уехать, если она вдруг обнаруживает на пороге таинственную посылку, содержащую калейдоскоп, наброски

рисунков и... фрагмент рукописи? Флора быстро понимает, что это история ее бабушки Жозефины и прадеда, некогда известного художника. Кто и почему прислал ей этот фрагмент? Почему рукопись не была опубликована? Неужели ее прадед и впрямь завещал дочерям тайные полотна, которые никогда не видели свет? И как с этим всем связан пропавший десятилетия назад редкий оранжевый бриллиант?

Флора намеревается погрузиться в историю своей бабушки и раскрыть секреты, годами отравлявшие жизнь всей семьи, чтобы пролить свет на старые тайны и, может, стать чуточку ближе к своим самым родным людям.

Содержание

Пролог	7
1	12
2	21
3	34
4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Кларисса Сабар

Тайна дома с агапантами.

Флора и Жозефина

Стефании

Спасибо за глоток доверия, которого мне не хватало, чтобы ввязаться в этот безумный проект.

*Мы должны привыкнуть: на самых важных перекрестках нашей жизни нет указателей.
Эрнест Хемингуэй. Прощай, оружие!*

Clarisse Sabard

LE SECRET DES AGAPANTHES, TOME 1: FLORA &
JOSÉPHINE

Published by arrangement with Lester Literary Agency

© Charleston, une marque des éditions Leduc, 2024

© Клокова Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Цикл о сестрах:

Флора и Жозефина

Стелла и Органс

Моргана и Жюльет

Пролог

Залив Афионас, Корфу, март 1983 года

Жозефина бросила последний взгляд на каменистую бухту и опечаленно покачала головой. Она никогда больше не увидит место, где прошли лучшие часы ее жизни. Воспоминания о той пылкой эпохе остались живыми и яркими: восхитительная изумрудная вода, ломти арбуза, рыба, пожаренная на открытом огне на пляже, ночная феерия светлячков, наставления старика Спиро о том, как уберечься от скорпионьих укусов, рука Дуга, обнимающая ее за талию...

Жозефина вздохнула. Счастливые дни остались в далеком прошлом, а она так одинока! Хорошо, что никто не может застать ее врасплох, во всяком случае со стороны моря или спустившись по узкой извилистой тропинке с холма, поросшего соснами. Этот райский уголок, такой красивый и тихий – если не считать рокота волн, накатывающих на берег, – до сих пор защищен от туристов.

Она смотрела на догорающий огонь у входа в грот Одиссея, и взгляд туманили слезы. Как могла произойти подобная драма?

– Бедная моя Дафна! – прошептала она. – Если бы я только сумела предвидеть...

Старая женщина постаралась отогнать чувство вины, терзавшее ее уже два дня. Она корила себя за то, что слишком

поздно распознала истинную натуру Ника. Один тот факт, что он приблизился к ее сыну, должен был ее насторожить: Гэри просто притягивал к себе сомнительных типов. А теперь за все расплачивается ее дочь, оставшаяся вдовой в тридцать пять лет с двухлетним ребенком на руках. Жозефина отдала бы все на свете за возможность вернуться назад во времени и расстаться с мерзким манускриптом, который не только разоблачил Ника, но и стоил ему жизни! Полная катастрофа! Могла бы она изменить ход событий, если бы знала? Конечно нет. Она в очередной раз бросилась в омут с головой, не приняв во внимание настороженность своих сестер. Это надо было уметь – ничему не научиться к шестидесяти девяти годам! Бессмысленно предаваться самобичеванию и жалеть себя: несчастье случилось, зло причинено, этого не изменить. Бросив в огонь кусок своей жизни, Жозефина наконец-то приняла правильное решение. Тяготевшее над ними проклятие снято.

Она расправила плечи и уверенным шагом направилась к маленькой моторке Георгиоса, мастера на все руки, работавшего на вилле. Он все подготовил, но умолял быть вдвое осторожнее. Сезон сирокко, капризного сильного ветра, уже наступил и представлял серьезную опасность. Жозефина всегда была слишком рискованной и ответила, что небо совершенно очистилось. Она знала этот участок Ионического моря как свои пять пальцев, но быстро поняла, что должна была прислушаться к предупреждениям. За несколько ми-

нут небо затянули плотные тучи, яростный ветер, «вылупившийся» из сильной жары, разгонял волны, швыряя белую пену на берег обычно тихой бухты. Скоро дождь прорвал тучи и на нее обрушился потоп.

– Ну вот, я снова все сделала по-своему! – злась на себя, процедила сквозь зубы Жозефина.

Каждый раз, когда тяжелая волна подкидывает вверх лодку, она приседает и съеживается от страха, уверенная, что утонет. Если бы самые суеверные обитатели Корфу знали, что она только что сделала, они бы усмотрели в шторме кару небесную. От прошлого нельзя отделаться без последствий, его не обращают в дым как ни в чем не бывало.

– Ради всего святого – нет! – простонала она, когда очередной порыв ветра прижал ее к борту.

«Проклятье, Жожо, а ну-ка, возьми себя в руки!» – прозвучал в мозгу недовольный голос ее любимого покойного мужа Дугласа. Она с трудом поднялась, приставила ладонь козырьком ко лбу, оглядывая горизонт, желая убедиться, что ее не уносит к берегам Албании. Дождь ухудшал видимость, ветер дезориентировал, но она справилась, взяла чуть левее и вдруг услышала крик, давший знать, что берег приближается.

– Мама, сюда!

Старая женщина облегченно вздохнула. Дафна ринулась к ней, чтобы помочь сойти на сушу. Черт бы побрал Георгиоса! Этот болван все-таки ее предупредил, сделав именно

то, чего она хотела избежать! У дочери и без того хватает забот.

— Господи, мама! — воскликнула Дафна, обняв мать. — Мы решили, что ты дрейфуешь! Могла бы подождать несколько дней, нам ни к чему еще одна драма.

Жозефина постаралась сдержать дрожь, энергично кивнула и произнесла, перекрикивая шум ветра:

— Ну-ну, детка, это всего лишь сирокко, бывало и страшнее.

Георгиос сражался с ветром, чтобы втащить лодку на берег, а Дафна взяла мать под руку и увлекла ее к лестнице, поднимавшейся к красивому дому с белыми стенами и ставнями, который Дуг в самом конце войны купил «за ломоть хлеба». Как только они оказались в беседке, увитой диким виноградом и бугенвиллиями, она спросила, понизив голос:

— Итак... Все кончено раз и навсегда? Ты все уничтожила?

Жозефина посмотрела в голубые глаза дочери. Что она могла рассказать, не нанеся вреда будущему, когда настоящее разлетелось на тысячи осколков?

Серый пуловер подчеркивал бледность Дафны, ее длинные светлые волосы были убраны в строгий пучок на затылке, и она казалась еще более хрупкой, чем обычно. Да, Жозефина не сумела защитить дочь, но еще могла не дать пойти ко дну. Она обязана это сделать хотя бы ради Флоры, своей очаровательной внучки-проказницы. Она крепко сжала руки Дафны.

– Да, конечно, дорогая. Мы в безопасности и сможем вернуться в Лос-Анджелес. Втроем. Очень скоро все будет позади.

По сути дела, сказанное не было ложью – всего лишь сговором с истиной. Больше никто не явится, чтобы оживить прошлое – об этом Жозефина позаботилась. Отныне секрет «Агапантов» похоронен навек и не рискует попасть во враждебные руки.

Флора, 2018 год

Джей пристально вглядывался в меня угольно-черными глазами, заложив руки за голову и подставив лицо солнцу. Он казался слегка разочарованным, но был расслаблен. Я только что сообщила ему, что не смогу остаться на острове еще на несколько дней: в Лос-Анджелесе меня ждала работа.

– Я все понимаю, – заверил он. – Потрясающе, что ты руководишь собственной галереей. Знаешь, что старик Махо закрылся? Никто не захотел купить убыточное заведение.

Голос Джея звучал спокойно, тихоокеанский бриз играл с его темными волосами. Мне будет его не хватать. Почему жизнь всегда становится такой сложной? Я покрутила в пальцах чашку, пытаюсь успокоиться.

– Да, видела. Печально. Мне очень нравились акварели, которые он выставял.

– Жалко, что ты не появилась раньше, могла бы купить его запасники для своей галереи.

Я поморщилась.

– Мой компаньон лишится чувств, если я предложу ему торговать маринами!

«Артспейс Сторхаус», которую основали мы с Картером, – галерея современного искусства, где мы продвигаем остро-современные произведения и мастеров с репутацией и толь-

ко что выскочивших на орбиту художественной жизни новичков, выделяющихся оригинальной манерой. Джей был чужим в мире искусства, так что я и не думала сердиться на него за непонимание расклада.

– Ты писала очень красивые акварели, – не сдавался он. – Продолжаешь?

– Да нет, бросила много лет назад. Не хватает времени... и таланта, чего уж там.

– У тебя был настоящий талант, я помню! У родителей дома до сих пор висит твой подарок – вид на бизоний заповедник. Тот, с оранжевым закатом на заднем плане.

Я пожала плечами.

– Очень мило с их стороны, но таланта у меня куда меньше, чем у тех, кого я выставляю, поверь. Профессионалы рассмеялись бы мне в лицо за претенциозные картинки для курортников.

– Никогда не слышал ничего глупее! – возмутился он. – Ты разучилась мечтать, Флора? Я хорошо помню, как ты клялась объехать все побережье Америки и запечатлеть его для потомков...

Меня растрогала его приверженность к моим давним картинам, но я решила свести все к шутке.

– Надо же, ты помнишь! Это была детская блажь. Я «творила» – как все, а потом выросла.

Я выпила последний глоток макиато и удивилась, что мне удастся беседовать с ним и сохранять спокойствие. Джей

предложил заглянуть к нему в ресторан и выпить перед отъездом кофе. Причин отказываться не было – не бежать же мне, как воровке, после нескольких дней на Санта-Каталине только потому, что накануне мы поцеловались! Я утратила контроль, но больше это не повторится. У меня нет времени на любовные приключения, я достаточно ясно дала это понять. Вот только не предвидела, что душа будет все время возвращать меня к нашему поцелую и его губам со вкусом соли и солнца, хотя рассудок требует отстраниться. Я чувствовала себя идиоткой!

Джей резко наклонился, поймал мой взгляд, и я запаниковала.

– Я задал вопрос, Флора.

Бац! Возьми себя в руки, спустись на землю!

Я спрятала смущение за солнечными очками и сказала:

– Извини, мысли заняты проблемами с наследством. Узнала недавно, что старая тетушка оставила мне дом во Франции... Досадная помеха, но это не важно. Так что ты говорил?

Я не обманывала Джея: самая младшая сестра моей бабушки действительно завещала мне часть своего дома, чем несказанно удивила. Я пока не связывалась по телефону с «сонаследницами» – кузинами, с которыми время от времени общалась в соцсетях, – но планировала продать свою долю. Я тысячу лет не была в Нормандии!

– Я предложил тебе кусок черничного пирога, – повторил

Джей. – Китти испекла, чудо как хорош. Будешь?

Я покачала головой.

– Знаю-знаю, торт твоей тетки – божественное лакомство, но «Каталина Экспресс» уйдет без меня, если не потороплюсь.

Паром, два часа назад подошедший к причалу напротив ресторана, без промедления отправится в обратный путь. Я встала и, не удержавшись, бросила последний взгляд на террасу, с которой открывался потрясающий вид на бухту. Солнечные блики играли на поверхности воды, по которой скользило несколько яхт. Будь обстоятельства иными, я бы с удовольствием написала этот пейзаж, но время поджимало, и тянуть дольше было нельзя. Меня ждала реальная жизнь, надо было посмотреть ей в лицо.

– Ладно... – Джей сдался. – Могу я позвонить, когда ты вернешься?

Я опустила глаза.

– Джей... Мы уже говорили об этом вчера вечером... Мне правда жаль, я не должна была целовать тебя.

Он вздохнул, скорее опечаленный, чем удивленный, и ни в малейшей степени не подозревавший, как я ненавижу себя за причиненную ему боль.

– Ты останешься для меня вечной тайной, Флора Блейк, – наконец ответил он, его прекрасные карие глаза наполнились печалью. – Думал, на сей раз все будет иначе.

Намек на нашу былую близость привел меня в замеша-

тельство. Мы с Джем знакомы с юности. Его родители, уроженцы Гавайев, выкупили единственный гостиничный комплекс Ту-Харборс, второй деревни Санта-Каталины, и предлагали туристам и отпускникам экскурсии, в том числе в знаменитый бизоний заповедник. Джем больше вдохновляло поварское искусство, и он во время школьных каникул подрабатывал в «Уилер'с Сифуд», заведении своего дяди в Авалоне, главном порту острова. Моя бабушка много лет отдыхала здесь летом и обожала его тартар из тунца по-гавайски. Вот так мы и встретились. Мы были практически полными ровесниками, оба всерьез увлекались роком, симпатия возникла сама собой и сделала нас неразлучными. Дикая красота острова покорила сердца, и мы с Джем все свободное время бродили по холмам вокруг Сентер-Драйв над бухтой Авалона. Нас тянуло друг к другу, но я держалась на безопасном расстоянии, предпочитая считать его братом, моим «почти близнецом». Джем не мог в меня влюбиться, это было немыслимо! Я приходила в ужас от одной только мысли об интиме, но боялась в этом признаться, чтобы не потерять Джем. Как это ни парадоксально, столь странное поведение не побудило его сбежать от меня без оглядки. Он довольствовался дружбой. Его уважение и нежность действовали как бальзам на раны, но не могли преодолеть мою недоверчивость. Все кончилось со смертью моей бабушки от инсульта. Мое горе было неизменно. Ей я была обязана любовью к живописи, она – не задав ни единого вопроса! – поняла,

почему я отказываюсь возвращаться в Грецию, и поддержала мое желание изучать искусства, хотя у мамы были совсем иные, куда более амбициозные планы. После ухода бабушки я была не способна находиться на Санта-Каталине. В 2002-м соцсети еще не были так популярны, и я потеряла связь с Джем. Можете представить мое изумление, когда четыре дня назад, сойдя с парома, мы столкнулись нос к носу!

Сдержанность у островитян не в ходу, и Минни Уильямс, управляющая гостиницей, где раньше останавливались мы с Жозефиной, поспешила предупредить Джея. Я воображала, что он женатый отец двоих или троих детей или возглавляет собственный отель в Сан-Франциско, но узнала, что друг моей юности никогда не покидал Санта-Каталину.

* * *

Дядя Джея решил насладиться всеми благами законной пенсии и уступил ему свое дело, которому мой друг был предан душой и телом. Внешне он практически не изменился, если не считать нескольких морщин вокруг чуть раскосых глаз. С годами он стал плотнее и крепче, но сохранил непринужденную манеру поведения, приятно отличавшуюся от стиля «с иголки», преобладавшего на калифорнийском побережье. Встреча с Джем стала для меня чем-то вроде возвращения в родной дом после слишком долгого отсутствия... Радость, впрочем, быстро сменилась двойственным

ощущением, отодвинувшим меня в прошлое, к чувствам настолько пугающим, что я не могла их себе позволить. Зачем, ну вот зачем я его поцеловала?!

– Дело не в тебе... – Я все-таки сделала попытку оправдаться. – Просто моя жизнь сейчас сильно осложнилась, и я не хочу никого поставить в неудобное положение. Это было бы несправедливо.

Джей разочарованно хмыкнул.

– С каких пор жизнь должна что-то решать вместо тебя? С тех пор как мне исполнилось пятнадцать лет...

Помолчав, Джей продолжил:

– Я скажу, что неправильно, Флора: ты продолжаешь отрицать то, что между нами происходит. Притворяешься. Я не мечтал о поцелуе, он мне не приснился, не был ошибкой. Не знаю, что именно происходит в твоей жизни, но страх и секреты заметил давно. Прошу, поговори со мной, я имею право знать, что...

Он был прав – разумеется, прав! – но я больше не могла об этом говорить.

– Пожалуйста, Джей, не усложняй все еще больше!

– Я даже не понимаю, зачем ты вернулась, – тоном покорности судьбе сообщил он.

– Чтобы заново открыть для себя остров.

На самом деле я нуждалась в убежище, потому что мне предстояло пережить смутный период существования, но не было ни времени, ни мужества на объяснения. Джей в любом

случае очень скоро все узнает, и в его реакции я не сомневалась: он наверняка предпочтет больше со мной не общаться, учитывая бучу, которая может подняться.

Он шагнул ко мне и коснулся ладонью щеки. Нежность этого жеста пригвоздила меня к земле.

– Мне действительно пора, – пробормотала я внезапно охрипшим голосом. – Жаль, что все вышло, как вышло...

Я взялась за ручку чемодана, старательно избегая его взгляда.

– Подожди, Флора, я...

Не дав ему договорить, я пошла прочь, прибавляя шаг и зная: если обернусь, рискую остаться. Слезы застилали глаза, когда я спускалась с террасы «Уилер’с Сифуд» на обсаженную пальмами улицу с пестрыми домами, тянувшуюся вдоль порта.

Мои страхи почти испарились, когда я приплыла на остров и как будто оказалась на своем месте, а теперь мне не терпелось попасть на причал и оказаться у себя дома в Даунтауне. Городская суeta и ждавшее меня испытание помогут забыть, что я только что навсегда потеряла Джея.

Через несколько мгновений паром двинулся вперед по спокойным водам Тихого океана, а я не могла отвести взгляд от Санта-Каталины. Мне вдруг показалось, что я не найду в себе достаточно сил, чтобы вернуться к своей привычной жизни, хотя с незапамятных времен живу одна. Чувство одиночества разрывало сердце. Назад пути нет. Он был за-

крыт пятнадцать лет назад. Перед мысленным взором всплыла торжествующая улыбка Яни. Прошло много лет, я храбрилась из последних сил, но была в ужасе от предстоявших мне испытаний. Все было бы иначе, найди я в себе мужество заговорить раньше! Могло ли что-то сложиться по-другому? Не исключено, однако не стоит заикливаться на моменте, изменившем ход моей жизни. Яни снова нанес удар, но на сей раз ему это с рук не сойдет.

2

– Добрый вечер, мисс Блейк! Удачно съездили?

Обычно, входя в свой дом, я радовалась, увидев Мигеля на рабочем месте. Из трех консьержей, ежедневно сменявших друг друга, он казался мне самым симпатичным. Мигель долго работал в охране, пока его не наняли в нашу модную резиденцию. Присутствие этого человека в холле внушало уверенность. Мигель был уважителен и сдержан с обитателями дома, но у него всегда находилось пять минут, чтобы поболтать о том о сем.

На этот раз я чувствовала себя настолько разбитой, что ограничилась вымученной улыбкой.

– Вполне, Мигель, остров так же прекрасен, как в моих воспоминаниях. Вы обязательно должны отвезти туда Кристину, она будет в восторге.

Мигель закатил глаза, издав театральный вздох.

– Никто на этом свете не заставит ее взойти на борт корабля и тем более самолета! Она такая домоседка... Я наконец-то уговорил ее провести неделю в Бodega-Бей этим летом, так что не все потеряно.

Тут мне не пришлось изображать восторг: в 1940-х моя бабушка создавала декорации для фильмов Хичкока, я была самой пылкой и верной поклонницей его творчества и больше всего любила «Птиц», которых снимали в Бodega-Бэй.

– Идеальный выбор! Я там была, восхитилась и обязательно съезжу снова. Побережье изумительно красивое, вы не пожалеете.

Мигель отдал мне почту, в том числе толстый конверт из Франции, наверняка от нотариуса – он обещал прислать детальные сведения о полученном в наследство доме. Мне было заведомо понятно, что на виллу – редкостный, изысканный дом над морем – найдется достаточно покупателей.

Я сделала шаг к лифтам, но Мигель остановил меня, сказав:

– Подождите, пожалуйста, это еще не все. Пока вас не было, сюда дважды приходил мужчина. Просил передать, чтобы вы позвонили ему. Не откладывая.

– Что за человек?

Я удивилась: никто, кроме компаньона, не мог меня навестить, но Картер знал, что я на Санта-Каталине. Мне в голову не приходило ни одно хоть сколько-нибудь разумное объяснение, тем более что он мог связаться со мной в случае срочной необходимости.

– Этот тип оставил свой номер телефона, – продолжил Мигель, протягивая мне листок.

Я схватила бумажку, взглянула и покачала головой.

– Мне эти цифры незнакомы... А он представился?

В глазах Мигеля появился азартный блеск – он явно с нетерпением ждал именно этого вопроса и с видом заговорщика наклонился ко мне через стойку.

– Нет, но я сразу его узнал, мисс Блейк! Это был Яни Бочарис, киношник.

Я похолодела. Мигель, конечно же, понятия не имел, как связаны мы с Яни, я не из тех, кто выбалтывает семейную историю направо и налево. Нужно было догадаться, что он может заявиться сюда! Журналисты оповестили публику, что Яни живет в отеле «Бeverли-Хиллз», в двадцати минутах езды на машине от Даунтауна. Одна только мысль об этом способна свести меня с ума!

– Нет, невозможно... Он оставил для меня сообщение? Что-нибудь, кроме номера телефона?

Мигель покачал головой.

– Проводить его к вам, если вернется?

– Только не это! – воскликнула я.

Мигель не счел нужным скрывать облегчение.

– Понятно... Я передам коллегам. Это не мое дело, но я опасался, что... между вами отношения, а та бедняжка – актриса – обвинила его в изнасиловании... – сказал он отечески участливым тоном. – Пусть газетчики пишут что угодно, лично я ей верю. Бочарис – грязный тип. Он готов был силой прорваться в вашу квартиру, если бы я его не урезонил.

– Спасибо, Мигель, вы правильно сделали. Я не планирую с ним встречаться.

– Вам нужно отдохнуть. Ни о чем не тревожьтесь – я буду здесь до семи вечера, потом Калев заступит на ночное дежурство.

Я смущенно поблагодарила и зашла в лифт. Яни заходил не на чашку чая: он ворвался в мой в дом, отреагировав на показания против него. Чего он хотел? Собирался угрозами заставить взять назад мои слова, как сделал это двадцать два года назад? Плевать мне на мерзавца, я не подпущу его к себе.

Отпирая дверь квартиры, я набирала номер моего адвоката – только она могла посоветовать, что делать дальше. Ванесса Штайнер, один из лучших юристов города, а может, и всего Западного побережья, никогда ничего не упускает. Она много лет борется за права женщин, защищала интересы всемирно известной актрисы, когда та подала в суд на мужа за жестокое обращение. Опросила двух предыдущих бывших жен, над которыми он тоже измывался, – они не осмеливались подать жалобу, – и использовала их показания на процессе.

Я без колебаний обратилась к мэтру Штайнер, как только узнала, что она представляет интересы Джун Грант, очередной жертвы Яни.

– Здравствуйте, Флора, я как раз собиралась вас набрать! Как поживаете? Надеюсь, тайный визит на Санта-Каталину пошел вам на пользу.

– Пошел, спасибо, Ванесса. Вообще-то, все получилось... странно. Я как будто вернулась к истокам.

Сдерживая слезы, я вдруг осознала, что мое пребывание на Каталине было бы совсем другим без встречи с Джем,

закрыла глаза и попыталась прогнать из головы мысли о нем. Нужно собраться.

– Яни появился в мой дом, – продолжила я, не оставив Ванессе времени на вопросы.

Она отреагировала мгновенно.

– Что-о-о?! Проклятье, нет! Он угрожал? Оскорблял вас? Нужно просмотреть видеозапись и...

– Нет, нет... – Я перебила адвоката. – Меня, к счастью, не было, и ему пришлось общаться с консьержем. Он настоятельно попросил, «чтобы мисс Блейк перезвонила».

– Ни в коем случае не вступайте с ним в контакт!

– Я и не собиралась, но меня пугает, что он знает мой адрес.

– Не думаю, что стоит об этом волноваться, вряд ли он явится снова.

– Почему вы так уверены?

– Сейчас объясню. Скорее всего, он приходил предупредить, что послезавтра сделает заявление для прессы.

– Какое еще заявление?! – возмутилась я. – Я думала, у нас есть еще пять дней до предания гласности моих показаний!

– Таков был уговор... Но Боцарис решил действовать на опережение, его адвокат предупредил меня сегодня утром. «Лос-Анджелес таймс» через два дня опубликует заявление о его отношении к вашим обвинениям. Он будет утверждать, что вы его преследуете. Негодяй очень хитер.

Я была потрясена. Да как он смеет открыто нападать на меня?! Ему мало, что он исковеркал мою юность и сделал невыносимой будущую жизнь взрослой женщины?! Я машинально коснулась кончиками пальцев маленького шрама-полумесяца на челюсти, напоминавшего о первом травмирующем эпизоде.

– Поверить не могу! Он намерен затеять процесс о диффамации, чтобы обставить меня? – разъярясь, спросила я.

– Его адвокат допускает такую возможность, – признала Ванесса. – Но не завтра, что оставляет нам время выбрать линию защиты и подготовиться. Советую поставить близких в известность не откладывая: средства массовой информации жалости не знают.

Я кивнула – машинально, понимая, что собеседница этого не увидит. Новости обрушились на меня как удар молота. Придется объясниться с компаньоном, чтобы он не узнал обо всем из газет, и – главное – признаться матери. Не думала, что события будут развиваться настолько стремительно...

– Маховик запущен, – продолжила Ванесса непривычно мягким тоном. – Журналисты жаждут встречи с вами.

– Я не соглашусь ни на одно интервью! Нет – и точка! – Я дала показания не для того, чтобы стать притчей во языцех. Хочу добиться справедливости и избавиться наконец от камня на сердце.

– Сначала будет нелегко, вы должны это понимать. Боцарис сейчас один из самых знаменитых режиссеров, соцсети

пойдут вразнос. Сами знаете, как это теперь работает: активистки движения *#MeToo* влезают во все сомнительные дела.

– Конечно, знаю... Джун Грант теряет одну роль за другой. Отвратительно, но Голливуду, похоже, нравится наказывать жертв.

– Мы сражаемся, чтобы изменить систему, хоть нас и немного, – заверила меня Ванесса. – Очень важно, чтобы женщины начали говорить.

Еще бы не важно! Вот только шансов победить немного.

– Думаете, его осудят?

– Сделаю все, что смогу. Да, я знаю, какова система, но все еще верю в закон. К счастью... Все, прощаемся, Флора, я ужинаю в Бербанке¹. Созвонимся послезавтра, подведем промежуточные итоги. Держитесь!

Я нажала на кнопку и уставилась на телефон. По логике вещей мне следовало сейчас же позвонить маме, но сил на сражение с ней сегодня вечером не было. Мы почему-то всегда гладили друг друга против шерсти. Она так и не приняла мой выбор профессии – считала, что я должна подхватить из ее рук факел служения «Дафна Бьюти». Она основала эту компанию, уйдя с подиума, и в скором времени попала в список «Форбс». К ее великому разочарованию, я предпочла идти своим путем, поднималась по ступеням карьеры без посторонней помощи. Мама была ужасно уязвлена, и наши от-

¹ В этом городе, в восточной части долины Сан-Фернандо, живет 104 834 человека, его называют «медиастолицей мира».

ношения испортились, нет – затруднились, а звонок не улучшит дела: через три года после смерти моего отца она вышла замуж за одного из крупнейших виноделов Корфу, Ставроса Боцариса. Отца Яни. Это частично меняло расклад. Скорее всего, мои «излияния» – так мама назвала показания против Яни – привели ее в бешенство. С репутацией семьи она никогда не шутила. Решив избавиться от груза прошлого, я осознавала, что внешние привилегии, которыми так дорожит мать, разлетятся в клочья, но молчать больше не могла. И все-таки поговорить лучше на свежую голову, уж больно изнуряющим был этот день.

* * *

На следующее утро я посмотрела на свое отражение в витрине «Данкин Донатс», где подкреплялась пончиком с ванильным кремом, и с трудом удержалась от гримасы отвращения. На мне были темно-синяя шелковая блуза и брюки с высокой талией, светлые волосы я затянула в тугой конский хвост и выглядела очень «профессионально», в точности так, как требовалось. Увы, даже тщательно нанесенный тональный крем не смог замаскировать темные круги под глазами. Я всю ночь ворочалась без сна из-за тысячи непрощенных, тяжелых мыслей. По бледному как смерть лицу компаньон сразу догадается, что у меня проблемы. «Артспейс Сторхаус» располагалась в помещении с бетонным полом,

высокими потолками и умело поставленным светом, подчеркивающим ценность картин, висящих на гладких голых стенах, клиентура у нас была авангардистская и утонченная, и я гордилась нашей с Картером модной галереей, но впервые за пять лет чувствовала холодок страха, открывая входную дверь. Картер что-то обсуждал с Эми, студенткой, работающей у нас неполный день, но сразу прервался при виде меня.

– Ух ты! Кому-то срочно требуется очень крепкий кофе! Устала с дороги?

Я решила ответить уклончиво – момент для обсуждения проблемы был неподходящий.

– Перебраться с острова, где нет автомобилей, в Лос-Анджелес с его адским трафиком было трудновато.

Наша милая и услужливая Эми сделала шаг по направлению к кухне, чтобы сварить кофе, но я задержала ее взмахом руки.

– Оставь, я сама. Мигель угостил меня пирожками эмпанадас своей жены, нужно положить их в холодильник... – Я помахала пакетом, который получила от консьержа.

На самом деле мне просто нужно было остаться одной хоть на несколько минут, прежде чем взяться за работу. Я нервничала, зная, что Яни идет по моему следу, и не понимала, каким чудом дотяну до конца дня и справлюсь со всеми делами. Нужно было заняться каталогом следующей выставки, у Картера была назначена встреча в Бель-Эйр с коллекционером, пожелавшим оценить для продажи наскучившую

ему картину. Эми работала до часа дня, значит, клиентов я буду принимать одна. Удастся ли сохранить хладнокровие, если заглянет Яни и начнет угрожать мне?

– Будь ты неладен! – прошипела я сквозь зубы, злясь на себя за разгулявшиеся нервы.

– Что не так, Фло? – спросил Картер, войдя в комнату. – Ты с утра какая-то странная.

Я нажала на кнопку кофемашины, повернулась к компаньону и встретилась с его настороженным взглядом. Модная короткая стрижка, аккуратная борода и тщательно подобранные шмотки бежевых и темно-синих цветов делали его похожим на пылкого и элегантного хипстера с хорошей деловой хваткой. На «Артспейс» он тратил деньги не считая. Эта черта характера понравилась мне особенно сильно в тот день, когда пять лет назад одна общая знакомая представила нас друг другу в тот самый момент, когда мы оба решили открыть галерею и искали компаньона. Картер точно знал, чего хочет, его бизнес-план, разработанный на много лет вперед, был ясным и четким. Перспектива работы с таким напарником вдохновляла. Мы оставались в сугубо профессиональном поле, сотрудничали плодотворно, но я понятия не имела, как он отреагирует на мои признания... И пробормотала в ответ:

– Да все в порядке. Я... А кстати, кто-нибудь мной интересовался, пока я отсутствовала?

– Никто тебя не спрашивал, клиентов мы предупредили

о твоём отпуске.

– Я не о клиенте, а о незнакомом человеке, который мог показаться слишком настойчивым, даже... агрессивным.

Ореховые глаза Картера за стеклами очков полезли на лоб от изумления.

– О таком типе я бы не забыл, – ответил он заинтригованным тоном. – Может, расскажешь наконец, что происходит? Ты сама на себя не похожа.

Услышав, что до галереи Яни не добрался, я слегка расслабилась.

– Ты прав, Картер, нам нужно поговорить, – говорю я и беру в руку кружку. – Поужинаем сегодня вечером?

– Нет, – отвечает он, – мы с Анной пообещали детям отвести их в кино на нового «Росомаху».

– Тогда давай пообедаем до твоей встречи с клиентом – пирожков хватит, чтобы выдержать осаду.

– А сейчас ничего не скажешь? – разочарованно произнес он. – Я признаю кулинарные таланты Кристины, но сейчас мне важнее узнать, почему на тебе лица нет.

– За пять минут не объяснишь, а я хочу поработать с Эми над каталогом выставки «Цирк»! Встретимся в полдень во дворе.

Утро прошло спокойно. Я потратила время на каталог выставки нового любимчика Картера – художника, влюбленного в старые бродячие цирки и создавшего целую серию сатирических и вызывающе гротескных иллюстраций. Мы с Эми

отбирали фотографии, и она не уставала удивляться растущему успеху молодого мастера.

– Только полный псих может захотеть повесить на стену своей гостиной портрет бородатой женщины! – с брезгливой гримасой заявила она.

– Урок номер один: никогда не осуждать клиентов, – напредила я, пряча улыбку. В искусстве правит бал субъективность. Пока люди покупают, нам плевать на их вкусы.

Ремесло галериста научило меня простой истине: на все найдется своя публика, поэтому следует соблюдать нейтралитет.

Эми я не убедила, и она постучала по моему столу ногтем с лаком поросячье-розового цвета.

– Конечно, но как же страсть? Разве мы не должны хоть немного любить то, что выставляем?

Страсть... Когда-то и я подчинялась страсти, что снова возвращало меня к Джею и его вопросу: «Куда ты подевала свои мечты, Флора?» Эти слова не шли у меня из головы, повергая в состояние смутного дискомфорта. Я – «торговка искусством», продаю картины богатым и знаменитым и рассталась с мечтой стать художницей. Нужно было зарабатывать на жизнь... Я вспомнила чужие работы с изображением порта Санта-Каталины, у меня перехватило дыхание, и я мысленно скомандовала: «Возьми себя в руки, нечего попусту терзать душу!» Мне уже не хватало острова, при мысли о Джее хотелось плакать, но я должна была смириться с

ощущением пустоты, чтобы не слететь с катушек.

Догадливость Эми очень меня задела, и я сухо возразила:

– Галеристы по определению любят то, что выставляют. В противном случае – меняют профессию.

Ровно в полдень я присоединилась к Картеру на узком заднем дворе, примыкавшем к зданию бывшего склада, где обреталась наша галерея. Дивный аромат пряной говядины зашекотал ноздри, разбудив аппетит.

– Ура, ты разогрел пирожки! – воскликнула я, опускаясь на один из ротанговых стульев, которые мы держали тут специально для отдыха. – Ты – «правильный» человек, хотя некоторые твои пристрастия в искусстве бывают спорными.

Картер ухмыльнулся и открыл банку диетической колы.

– Это ты о проекте «Цирк»?! Я заметил, как расстроена Эми – одну из работ она назвала позором.

Он сделал большой глоток и вытянул вперед длинные ноги, коснувшись носком ботинка куска рельса, оставшегося от старой железной дороги прошлого века. Арт-дистрикт не всегда считался модным кварталом: раньше он был известен своими заводами и мануфактурами. В прежней, первой жизни в нашем здании складировали апельсины и грейпфруты, которые выращивали в промышленных масштабах. В 1950-х мануфактуры стали массово закрываться, а под крыши опустевших зданий вселялись художники и артисты, после чего здешние места превратились в музей под открытым небом. В этой части города не было пляжей, окруженных пальмами, зато работали модные кафе и мастера-татуировщики, а

стены были украшены потрясающими фресками. Остались, правда, и некоторые следы индустриальной эпохи, в том числе в нашем дворе, где когда-то проходила однопутная железная дорога.

— Эми утешится, — пообещала я, цапнув пирожок. — Она молода, и некоторые аспекты профессии от нее пока ускользают.

Я с наслаждением жевала эмпанаду, искоса поглядывая на Картера. Он ел молча. Как начать разговор о секрете, который я хранила два десятилетия, а скоро выложу всему свету? Мне совсем не хотелось обсуждать это с Картером, но выхода не было. Я обязана рассказать ему правду, особенно учитывая неизбежные последствия.

Компаньон заметил, что я торможу, и решил подбодрить улыбкой.

— Давай ты расскажешь, что тебя мучает? Уклоняешься от налогов? Обокрала мексиканский картель?

Попытка пошутить не помогла. Я расправила плечи и начала с места в карьер:

— Думаю, ты знаешь, кто такой Яни Боцарис?

— Режиссер? Конечно знаю! Он ведь твой сводный брат, верно?

— Не совсем. Вернее, совсем нет. Моя мать, овдовев, вышла за его отца, но по крови мы не связаны.

— Да, конечно, я просто забыл... Ты, наверное, хочешь обсудить кампанию, которую развязали против него в прессе!

Для семьи это очень неприятно.

Я издала саркастический смешок.

– Травля в прессе? Да он же изнасиловал актрису и пригрозил, что в Голливуде ей устроят обструкцию, если она проболтается. Женщина не испугалась, и ее карьера сломана. Надеюсь, ты не намерен жалеть мерзавца?

– Ну, вообще-то... Если верить некоторым фотографиям в газетах, эта Джун любит... повеселиться, так что...

Я отпрянула от Картера.

– И что с того?! Это оправдывает действия насильника? Яни заявился к Джун якобы для обсуждения фильма и надругался над ней!

Картер виновато поднял руки.

– Сдаюсь, Флора! Успокойся, я не один из идиотов, считающих, что она «сама виновата». Но... если они пили, она может не помнить, что согласилась. Не будем забывать о презумпции невиновности.

– Чушь! – взорвалась я. – Яни изнасиловал Джун! Я в этом уверена, потому что он не впервые так поступает.

Ну вот, слово произнесено. Я не собиралась высказываться так прямолинейно, но Картер не оставил мне выбора.

Он смотрел на меня, потрясенный до глубины души.

– Что? Хочешь сказать, тебя он тоже?..

Я покачала головой, успокаивая беднягу.

– Он не довел дело до конца, хотя был близок к этому.

Я с трудом сглотнула. Сказать вслух правду после столь-

ких лет молчания оказалось мучительно тяжело – мне показалось, что рот наполнился осколками стекла.

Я облизнула пересохшие губы и продолжила, глядя на ошарашенное лицо Картера:

– Я тогда была подростком. В то лето Яни приехал на виллу – заявил, что хочет сблизиться с отцом. У них были не лучшие отношения, Яни жил с матерью в Афинах, и мы редко его видели. Я отнеслась к его появлению безразлично. Мне исполнилось пятнадцать, ему двадцать один, общих интересов у нас не было никаких. Как-то раз, во второй половине дня, стояла удушающая жара, и я решила спуститься на наш частный пляж, чтобы поплавать в бухте. Я была в шортах и верхе от купальника...

Я замолчала, всхлипнув от нахлынувших воспоминаний. Я «исповедовалась» впервые с момента разговора с моим адвокатом.

Картер достал из кармана пачку сигарет, прикурил одну и протянул мне.

– Сделай пару затяжек, это успокоит нервы.

Я курила от случая к случаю, но поблагодарила – сейчас это было то, что нужно.

– Спасибо, – сказала я и выдохнула дым. – В бухте я увидела моторку Яни, но не забеспокоилась, дошла до входа в грот и заметила, что он как-то странно себя ведет. Разглядывает пол, что-то бормочет по-гречески. Я разобрала только *polla' lefta'* («много денег»), окликнула его и... понеслось.

Он повернулся, и я испугалась — уж слишком холодной была его улыбка. Яни напоминал хищника. Он медленно двинулся ко мне и спросил: «Какого дьявола ты вынюхиваешь?» Я ответила, что хотела искупаться. Он схватил меня за руку и заявил: «Ты чудо как хороша в купальнике!» Я не из тех девиц, что зовут на помощь, услышав комплимент, но в тот момент все поняла по его глазам.

Яни навалился на меня всем телом, попытался притиснуть к стене, начал целовать и трогать, несмотря на мое сопротивление. Я запаниковала, умоляла его остановиться, но куда там... Отбиваясь, я и поранила лицо... В тот момент, когда Яни запустил руку в мои шорты, я собрала последние силы и оттолкнула его. Выброс адреналина помог... Я воспользовалась мгновением замешательства, зачерпнула горсть песка, швырнула ему в лицо и побежала к лодке. Яни выкрикивал мне в спину ругательства, орал: «Если выдашь меня, я уничтожу вас с матерью!» И я никому не рассказала, потому что была уверена: нам грозит реальная опасность. Маме я соврала, что ударилась о камень, когда спускалась в бухту, она не стала расспрашивать о деталях и просто отвела меня к врачу, чтобы он наложил швы.

— Господи... — выдохнул Картер. — Не знаю, что и сказать... Мне ужасно жаль. Ты видела его после того... инцидента?

Я подняла глаза. Откашлялась.

— Нет, я больше никогда не была на Корфу. В то время моя

мать еще жила часть года в Штатах, им со Ставросом нравился такой ритм существования. Когда она отправлялась в Грецию, я оставалась с бабушкой. Мы и сегодня видимся три-четыре раза в год, когда они с моим отчимом прилетают в Америку.

Картер кивал, слушая рассказ об этой неизвестной ему стороне моей жизни.

– Ты получила тяжелую травму и справилась с ней. У тебя потрясающе сильный характер.

– Не преувеличивай. Я много лет боролась с разрушительными воспоминаниями, надеясь однажды все забыть, но прошлое вернулось, как бумеранг, как только я узнала о жалобе Джун Грант. Мне стало ясно: единственный способ отделаться от этого ужаса навсегда – заговорить. Хотя бы ради того, чтобы помочь актрисе в ее борьбе за справедливость, раз уж нельзя исправить причиненное зло.

Картер друг резко вздернул бровь.

– Подожди-ка, я, кажется, недопонимаю. С кем именно ты поговорила?

В нескольких словах я изложила свое заявление адвокату Штайнер, которая будет представлять Джун Грант на процессе против Яни осенью этого года.

– Я уехала на Санта-Каталину, чтобы выдохнуть, побыть в одиночестве несколько дней до того, как пресса обо всем пронюхает.

– Газеты действительно это сделают?

– Да, я дала согласие на обнародование моего имени. Я не хотела уезжать, мне ненавистна сама мысль о публичном доносе, как и роль воинствующей активистки, но адвокат убедила меня, что благодаря этому другие потенциальные жертвы могут решиться заговорить... Теперь это не имеет значения – Яни выбил почву у нас из-под ног: завтра он все выложит журналистам.

Картер замер, как закаменел.

– Будь я проклят... Писаки и любопытствующие насыдут на нас, как гиены.

– Может, и так. Придется всех отфутболивать. Ничего, я не суперзвезда, и люди быстро забудут.

– Не факт... Ты – известный человек в профессии. Если Боцарис твердо вознамерился обелить себя, я готов поспорить, что он не остановится на заявлении для СМИ. Его фильм имеет кассовый успех, у него связи, и он точно знает, чего хочет.

Слова Картера выводят меня из себя. Действия Яни позорны! Он агрессор. Как Джун Грант справиться с душевной болью? Кого волнует, что она может поставить крест на карьере, потому что нельзя разоблачать насильника, если эта мразь – знаменитость? К несчастью, я вынуждена признать, что в словах компаньона есть доля истины: люди обожают «жареные» факты. Они будут смотреть фильмы Яни и комментировать сцены с обнаженной Джун Грант. Подвергнут сомнению ее моральный облик. Скажу себе: «По большому

счету, она сама нарывалась...» А Яни как по нотам разыгрывает жертву, то и дело появляясь на телевидении, и не откажет себе в удовольствии назвать мое имя в ряду своих врагов. И тогда...

– Ладно, без паники! – призываю я, сама себе не веря. – Ничего не случится. А если все-таки случится, мы предупреждены и справимся, так?

Картер косится на меня и отвечает с нулевой уверенностью:

– Конечно, Флора. Все, мне пора в Бель-Эйр, если ты не боишься остаться одна в галерее.

Я в ответ только рукой махнула. Если начну жаловаться и изображать хрупкое существо, плохо мое дело. В художественной среде все конкурируют со всеми, как в любом другом секторе крупных финансовых ставок. Желающих выкупить мою долю в галерее (или убедить Картера инвестировать в них) будет становиться все больше, если у меня, не приведи господь, сдадут нервы. Достаточно вспомнить, что один из наших главных конкурентов, Боб Кэделл, все чаще предлагает моему компаньону обсудить дела за стаканчиком.

– Обо мне не тревожься, Яни здесь не появится, если только не захочет нарваться.

– Вот только этого нам еще и не хватало, – бурчит в ответ Картер, встает и уходит в кабинет за вещами.

Через несколько минут они с Эми покидают галерею. Ли-

да у обоих озабоченные. Я все-таки нагнала страха на компаньона: моя история его раздражила и встревожила, а в нашем «плане развития» такой поворот не предусматривался.

Меня пугает неизвестность: что, если клиенты дезертируют не сегодня завтра?

* * *

Добравшись вечером до дома, я чувствовала себя как прокрученная в барабане сушилки простыня. Всю вторую половину дня в галерее я была на вздрючке, что не помешало мне осуществить две крупные продажи, в том числе знаменитому стилисту, возжелавшему полностью сменить декор творческой мастерской. Картер вернулся из Бель-Эйр донельзя взбодренный подлинником Джорджии О'Кифф² и закрылся в кабинете, чтобы связаться с потенциальными покупателями. К обсуждению моей проблемы мы не возвращались. Я не была уверена, что это хороший знак, но устала терзаться черными мыслями и мечтала об одном – залечь в пенную ванну с книжкой.

Но сначала следовало позвонить матери. Я разулась в спальне, нашла ее номер в телефоне и нажала на кнопку быстрого набора, чтобы отрезать себе пути к отступлению. Боже, кажется, я уже слышу ее вопли... Гудки раздались и

² Американская художница.

звучали вечно, потом включилась голосовая почта, положив конец моим мучениям. Проклятье, день в Греции только начался, я опять забыла о разнице во времени! Пришлось составить короткое сообщение с просьбой позвонить как можно скорее.

– Так, а теперь найди, чем занять мозги, – приказала я себе, – и не смей думать о Джее Уилере.

Ужасно хотелось извиниться за свое поведение, но я сумела удержаться. Не полезла и на его страницу в соцсети, чтобы не расстроиться еще сильнее.

Я вздохнула. Можно было согласиться на предложение Карен, моей бывшей коллеги, выпить по коктейлю на заполненной народом плоской крыше «Мамы Шелтер», но настроения развлекаться не было. Я слонялась по гостиной с банкой оливок в одной руке и бокалом красного вина в другой, слушала альбом «Металлики», потом улеглась на диванчик, уставилась на висевшее на противоположной стене полотно кубического «настроения» и вдруг осознала, что мое жилище напоминает скорее выставочную квартиру, чем гнездышко молодой женщины. Да, оно производило впечатление – благодаря большим панорамным окнам, из которых открывался потрясающий вид на горизонт, – но ему не хватало души и цвета. Это был не мой выбор: мама заявила, что мне необходимо статусное жилье, раз уж я теперь галерист, и лучше всего в Даунтауне, ведь обновленный квартал находится недалеко от места работы. Для Лос-Анджелеса – на-

стоящая роскошь! Мама не учла одного: я хорошо зарабатывала, но мне было бы трудно платить за трехкомнатные апартаменты в элитном доме, поэтому она дала мне большой аванс. Отказ стал бы личным оскорблением, и я приняла деньги, хотя мне гораздо больше нравились прелестные дома в Хантингтон-Бич, в тридцати минутах езды от Лос-Анджелеса, – там, где жила бабуля... Бабуля... Как же она любила, когда я ее так называла! Моя родившаяся во Франции бабушка.

Франция... Нотариус!

Я вскочила и забрала конверт со столика у входной двери. Самое время внимательно прочесть, что завещала мне бабушкина сестра Жюльет! По телефону нотариус объяснил, что речь идет о трети дома, «Агапантов», но в тот момент я была слишком потрясена новостью и не запомнила деталей. Жюльет присылала открытку на каждый мой день рождения, звонила 31 декабря, и мы обменивались банальными поздравлениями, но никогда не были по-настоящему близки. В последний раз мы виделись на похоронах бабули. В детстве я часто ездила к Жюльет летом, когда бабушка навещала сестер в Нормандии. Там я познакомилась с кузинами, Стеллой и Морганой, каждой из которых тоже досталось по трети виллы. Стелла была внучкой Ортанс, младшей бабушкиной сестры, Моргана – внучкой Жюльет. Завещание показалось мне абсолютной бессмыслицей. Заканчивалось послание приглашением посетить «Агапанты» и прове-

сти там кое-какое время, чтобы принять окончательное решение. Вообще-то, я уже решила, что продажа доли будет простой формальностью, отложила бумаги и подумала о кухнях: что, если они хотят сохранить этот дом? Я плохо знала обеих и не могла даже предположить, что думают та и другая. Стелла жила в Лондоне с мужем и детьми, занималась менеджментом или чем-то подобным. Моргана вроде бы осталась с Жюльет, но в этом я уверена не была. Она не распространялась о своей жизни в соцсетях, только высказывала мнение о прочитанных книгах. Почему бы не связаться с ними, чтобы прощупать почву, ведь о наследстве стало известно еще месяц назад?

Я открыла стоявший на низком столике ноутбук, чтобы написать сообщение, но тут зазвонил мой сотовый. Мама... Ну конечно, кто же еще! Я сделала глубокий вдох и ответила...

– Привет, мама.

– Здравствуй, Флора, – ответила она тоном «на взводе». – Я только что прослушала твое сообщение.

– Надеюсь, я тебя не разбудила?

– Нет, я бегала, как всегда по утрам, и спрашивала себя, когда удостоюсь твоего звонка.

– Да, мы давно не говорили, прости. Работа, разница во времени, но разговор у меня срочный...

И потом ты наверняка захочешь меня придушить, мама!

Она издала раздраженный возглас, застав меня врасплох.

– Прекрати ходить вокруг да около, ради всего святого! В прошлый уикенд Яни приезжал повидаться со Ставросом и все нам объяснил.

От неожиданности я пискнула в ответ что-то нечленораздельное. Неожиданный поворот дела! Что он им наговорил? Яни не из тех, кто откровенничает, он бы не признался отцу в своих мерзких делишках, а в Афионас приехал, чтобы повернуть ситуацию в свою пользу. Сволочь проклятая! Мерзавец наверняка ликовал, поняв, что я не успела рассказать матери о свидетельских показаниях!

– Понятно... И убедил вас, что я его оболгала?

– Как до такого дошло, Флора? – с трудом сдерживая глухую ярость, произнесла мама. – Ты хоть на минуту задумалась о последствиях для семьи, о той грязи, в которой всех нас вываляла? Наверняка нет! Как обычно, думаешь только о себе.

К глазам подступили слезы. Моя мать умела виртуозно напомнить, что ей не повезло с дочерью, судьба сдала не те карты, но на этот раз я ни за что не прогнусь и упреки терпеть не стану.

– Я думала о Джун Грант! И других потенциальных жертвах. Люди не дураки, они сумеют отделить Ставроса от его сына! Очень легко свалить всю вину на меня, я, кстати, не сомневалась в твоём враждебном настрое.

– Нет никакой враждебности, я всего лишь поражена тем, что ты вдруг разоткровенничалась. Почему теперь? Могла

бы поговорить с нами раньше, попросить совета.

— Нет, мама, не могла! — раздраженно возразила я. — Ты ни разу не дала мне шанса довериться тебе. Заботилась о внешних приличиях. Не представляешь, как мне было больно.

— Жаль, что ты так это воспринимаешь... — выдержав паузу, ответила она. — Уверяю, мы бы сумели все решить... Между собой. Ставрос ужасно удручен этой историей. Мало нам было ареста твоего дяди!

— Да как ты смеешь сравнивать меня с дядей Гэри?! Я не занималась вымогательством и не тратила чужие деньги!

Гэри был старшим братом моей матери. В 1970-х, после того как прервалась его финансовая карьера, он решил удариться в спекуляцию недвижимостью, вкладываясь в проекты, которые потом перепродавал, завышая стоимость. Так продолжалось около сорока лет, пока не обанкротилась перекупленная им сеть гостиниц. Гэри обвинили в сокрытии крупных денежных средств, полиция устроила обыск в доме на Палм-Спрингс, после чего задержала его и была готова выдвинуть обвинение. Освобождением Гэри был обязан Ставросу, имевшему крутые связи: он сделал все, чтобы похоронить это дело. Моя мать моложе брата на девять лет и никогда тесно с ним не общалась, а после случившегося разорвала все связи. Я понимала ее мотивы: она слишком много работала, чтобы добиться успеха, и не собиралась жертвовать положением ради мошенника, пусть и близкого родственника.

Мы хором вздохнули.

– Мне бы и в голову не пришло сравнивать тебя с Гэри, Флора. Довольно препираться. Ставрос убедил Яни встретиться с тобой, прежде чем принимать решение, но консьерж в твоём доме заявил: «Мисс Флора отсутствует...» Очень досадно, что так получилось.

Я потеряла кончик носа, стараясь успокоиться.

– Значит, это вы послали его ко мне. Чем дальше, тем смешнее... Можешь сказать зачем? Предложить деньги за молчание?

– Ну вот ещё! – Она возмущенно фыркнула. – Мы искали... семейное решение. Яни сказал, что не станет делать заявление, если ты отзовешь показания. Не получилось – на радость журналистам. Если захочешь спрятаться на Корфу...

– Спасибо, нет, справлюсь сама. Мой адвокат вышла на тропу войны.

В трубке раздалось неодобрительное хмыканье, потом тяжёлый вздох.

– Ладно, как знаешь, – наконец ответила она. – Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь, и подумала о последствиях.

– Конечно.

Я закончила разговор, налила себе вина и выпила залпом. Алкоголь согрел горло, но не развеял печаль: мы с мамой всегда общаемся на повышенных тонах, и я каждый раз чувствую боль.

Интересно, она хоть верит мне? Урегулировать по-семейному... Чушь собачья! Мама и словом не обмолвилась о том, что случилось много лет назад на Корфу, когда Яни напал на меня. Направляясь в душ, я пыталась решить, что было бы меньше злом. Знать, что собственная мать считает меня обманщицей или что она покрывает пасынка, чтобы не запятнать репутацию семьи?

Следующие дни превратились в кошмар. Как только газета «Лос-Анджелес таймс» опубликовала заявление Яни, большинство СМИ, в том числе телевидение, перепечатали его – вместе с моей фотографией, сделанной на открытии галереи: я приветствовала снимавшего меня корреспондента бокалом шампанского. Эми по средам не работала, и я осталась один на один с Картером. Он все утро отфутболивал журналистов, звонивших в надежде добиться от меня интервью. Двое или трое явились к дверям галереи и были так настойчивы, что я спряталась от них в кабинете окнами во внутренний двор и попыталась сосредоточиться на работе. Телефон разрывался от звонков, я слышала, как Картер извиняется и договаривается о переносе посещений.

– Проклятье, все еще хуже, чем можно было предположить! Наши клиенты времени не теряют! На следующие два дня отменилось шестьдесят процентов встреч. Так не может продолжаться – давай-ка закроемся и спокойно все обдумаем.

Я так расстроилась, что начала лепетать жалкие извинения:

– Прости, что все так осложнилось, я не хотела...

– Знаю, Флора, не терзай себя. Я сам дурак – не нужно было нам сегодня работать – дали бы себе отдохнуть, и дело

с концом!

– Я считала наших клиентов мыслящими людьми.

– Подобные свары несовместимы со здравым смыслом, но я уверен, что через неделю твоя история устареет и сойдет с первых полос. Давай я отвезу тебя домой – пешком уж точно возвращаться не стоит.

Я кивнула, соглашаясь: Картер был, безусловно, прав. Незачем оставаться в галерее, поработать все равно не получится. Пока он опускал жалюзи, я спрятала волосы под бейсболкой «Лейкерс», которую утром предусмотрительно взяла с собой, и надела темные очки, прикрывшие половину лица. Картер оглядел улочку, ведущую к парковке, и сделал мне знак: «Вперед!» Момент был самый благоприятный – шел дождь, к тому же наступил час ланча.

– Вот что, Флора, посиди завтра дома, – сказал Картер, когда мы неслись к его машине.

– Что ты такое говоришь?! Я не стану прятаться и не проявлю безответственность, сбежав с корабля в разгар бури! – запротестовала я.

– А я не могу дни напролет бодаться с журналистами! Если они поймут, что тебя нет в галерее, отстанут.

Он открыл дверцу и тихонько хлопнул меня по плечу.

– Я думаю о наших клиентах, понимаешь? Их нужно успокоить, вернуть уверенность, что и произойдет, как только уляжется заваруха. Завтра утром я позвоню каждому и объясню, что весь этот бардак не имеет ничего общего с твоей

работой, а сегодня успокою художников, чтобы не перестали нам доверять.

Возразить было нечего, и я молча устроилась на пассажирском сиденье. Путь до Сент-Хоуп-стрит, на которой стоит мой дом, занял четверть часа. Я вздохнула с облегчением, увидев, что никто не караулит меня у подъезда. Картер попрощался, посоветовав отдохнуть, я пообещала и вошла, чувствуя, что потерпела поражение. В холле меня уважительно поприветствовал Мигель. Он, как и все, конечно же, видел газетные заголовки.

– Вы очень храбрая, мисс Блейк. Надеюсь, этого человека посадят, – сказал он.

– Спасибо, Мигель... – Я ответила консьержу бледной улыбкой. – Не исключено, что журналисты раздобудут мой адрес... Не хотелось бы досаждать остальным жильцам...

Мигель отмахнулся.

– Не беспокойтесь, я знаю, как обращаться с этими жуками-навозниками – работал в охране, навыки остались.

Я поблагодарила и отошла от стойки, заметив старичка, вознамерившегося забрать свою почту. Через несколько секунд в сумке зазвонил мобильный.

– Флора? Это Ванесса. У вас все хорошо? Как себя чувствуете? Хотела убедиться, что неожиданная слава не слишком сильно давит на психику.

Слава... Просто смешно! Был бы у меня выбор, предпочла бы прославиться чем-нибудь другим.

– Я? Катастрофично! Нам пришлось закрыть галерею. Похоже, клиентам разонравился наш с Картером тандем. По моей вине.

– Это пройдет. Газетчики и телевизионщики очень скоро найдут новую «сахарную косточку».

– Картер думает так же, – согласилась я. – А у вас что нового?

– Почти ничего, – ответила она сдержанным тоном. – Полагаю, наши оппоненты откупорили бутылку шампанского. Вы проглядывали соцсети?

Я ответила «нет», предчувствуя худшее.

– Вот и хорошо. Некоторые комментаторы высказываются слишком хлестко. Ничего удивительного, у каждого собственное мнение по любому поводу, так наплюйте на эту мешанину гадостей и глупостей.

Закончив разговор, я, само собой разумеется, кинулась читать комментарии – хотела составить собственное мнение. И получила жестокий удар по нервам. Люди в массе своей ужасно грубы. В интернете меня называли карьеристкой, завидующей состоянию Яни. Понятно, почему волновались наши с Картером клиенты! Сомнению подвергалась даже моя профессиональная компетентность, кое-кто даже намекал, что галерею я открыла благодаря деньгам и влиянию матери. Наглая ложь! Я работала как ломовая лошадь, чтобы начать собственное дело, сэкономила, много лет устраивала выставки, расширяя художественные контакты Франции

и США, а теперь все мои усилия сведены на нет. С телевизионных экранов меня оскорбляли люди, понятия не имеющие, через что я прошла. Меня, как и Джун, обвиняли в желании уничтожить Яни, которого журнал «Вог» назвал «талантливейшим кинорежиссером в облике древнегреческого бога». (Намек более чем прозрачный: мужчина с такой внешностью не мог опуститься до насилия и сексуальной агрессии!) Маховик адской машины так называемого общественного мнения был запущен.

Я закрыла соцсети.

* * *

На следующий же день все стало только хуже. Я провела очередную беспокойную ночь, а проснувшись, обнаружила в телефоне шесть сообщений от журналистов и эсэмэску от Джея. Он вместе с остальным миром узнал мой секрет. Я этого ждала, но его реакция причинила мне боль.

* * *

Не понимаю, почему ты ничего не рассказала, Флора? Я бы тебя поддержал, можешь быть уверена! Или наши отношения ничего для тебя не значили? Это трудно принять.

Ох, Джей...

Что тут скажешь?

Придумать ответ я не успела – позвонил взбешенный Картер и сообщил, что ночью кто-то изуродовал витрину галереи, написав красной краской из баллончика «Флора Блейк – мерзавка». Варвары были в масках, так что просмотр видеозаписи с камеры оказался бесполезным.

– Будь они прокляты! – воскликнула я. – И мы ничего не можем сделать?

– Только надеяться, что этот акт вандализма останется единичным. Эми начала очищать стекло. Ты держишься?

– Стараюсь, – ответила я, наливая себе кофе. – А ты как, Картер? Имеешь право злиться на меня.

Он молчал на секунду дольше допустимого.

– Нет... Нет, ты не виновата. И все-таки тебе сейчас лучше здесь не появляться, не дай бог, подвергнешься физическому нападению. Сама знаешь, сколько вокруг психов...

– Ты прав... – нехотя согласилась я. – Могу поработать удаленно – если понадобится, хоть будет чем себя занять.

– Ладно, Флора, конечно, скоро позвоню.

Попрощавшись, я почувствовала, что сейчас захлебнусь отчаянием. Как до такого дошло? Нужно выйти, продышаться, иначе сойду с ума. Не кружить же по гостиной в ожидании работы, которой, скорее всего, не будет!

Я схватила очки и бейсболку – куда теперь без них! Лучше будет удвоить осторожность, хотя Мигель, когда я спустилась в холл, сообщил, что единственного подозрительно-

го типа он уже отправил «прогуляться».

– Этот наглец собирался подкупить меня сотней баксов!

– Спасибо, Мигель, вы с такими справляетесь на раз.

Через пять минут я шла в направлении парка Гранд-Хопс, глядя вниз, на носки своих кроссовок «Нью Бэланс», и вдруг передо мной как из ниоткуда появилась тень. Дорогу загораживал незнакомый мужчина. Он смотрел на меня, и в его глазах горел огонек хищного возбуждения. Я внутренне содрогнулась, поняв, что это тот самый журналист, которого прогнал наш консьерж.

– Флора Блейк! – притворно сладким тоном произнес он. – Рад нашей встрече. Я – Тод Скарроу, редактор журнала «Новости Лос-Анджелеса» и...

– Оставьте меня в покое... – Я не дала ему договорить и повернулась, чтобы уйти, но он схватил меня за запястье и рывком заставил остановиться.

– Подождите! Я просто хочу задать несколько вопросов.

– А я попросила вас отстать! – прошипела я, пытаюсь высвободиться.

Скарроу отцепился, когда рядом появился какой-то прохожий, но сделал это так резко, что мои очки упали на тротуар, и я нагнулась поднять их, а когда выпрямилась, оказалось, что скотина снимает меня на телефон. Нет, только не это! Он еще и репортаж ведет!

– Эй, что вы делаете? Прекрати, придурок!

Мои вопли насмешили Скарроу, я вышла из себя, что бы-

ло сил толкнула его и побежала назад к дому под изумленными взглядами нескольких туристов. Не стоит тешить себя иллюзиями – скоро видео с моим участием появится на просторах волшебного пространства под названием «интернет». Желчь подступила к горлу. Кто дал право таким гадам мучить людей?

Я поднялась в квартиру и хотела сразу позвонить матери, но передумала. Зачем? Она спросит: «А чего ты ждала, моя милая?» Я свернулась клубком на кровати и впервые за много лет разрыдалась, захлебываясь гневом и тоской. Жизнь разлетелась на тысячи осколков, и что мне остается?

* * *

– Я все понимаю. Этот мерзкий червяк умело спровоцировал вас, и вы сорвались.

Во второй половине дня адвокат сидела в моей гостиной на диване и заканчивала просмотр статьи Тода Скарроу. Я позвала ее на подмогу, как только появилось видео, выставленное меня в ужасном свете.

– Знаю, я не должна была, но запаниковала и отреагировала спонтанно.

– Вы человек, а не суперженщина, – попыталась утешить меня Ванесса. – Многие завелись бы по куда меньшему поводу. Мне следовало догадаться, что Скарроу сунет свой нос в эту историю, он охотник за сенсациями. Наглый и самоуве-

ренный тип!

Это было слабо сказано. Опус «ДЕЛО ЯНИ БОЦАРИСА» произвел убийственное впечатление на публику...

КТО ТАКАЯ ФЛОРА БЛЕЙК, НОВАЯ ОБВИНИТЕЛЬНИЦА ЯНИ БОЦАРИСА?

Дочь бывшей топ-модели Дафны Сандерс, возглавившей собственное предприятие после окончания карьеры, и серфера Ника Блейка, трагически погибшего в автомобильной аварии в 1983 году, никогда раньше не становилась объектом пристального внимания прессы. Уже пять лет она в содружестве с компаньоном возглавляет галерею в Арт-дистрикт. По словам одного из ее соучеников по Калифорнийскому университету, в годы учебы она была замкнутой и трудно сходилась с людьми. «Помню, что Флора мечтала стать художницей, но картины писала довольно наивные – по словам наших преподавателей, – добавляет пожелавший остаться анонимным источник». Между тем, как заявляет бывшая коллега Флоры, Карен Д., «ее работы были красивыми, но слегка... старомодными. Флора бросила писать, когда поняла, что на рынке они котироваться не будут, и занялась поиском новых имен. Должна сказать, у нее отличное чутье: она открыла Энтони Лансфорда, которого крупнейшие критики сравнивают с Китом

Хирингом³. Не будем об этом забывать. Не исключено, что Флора еще удивит нас... Все мы на это способны, так ведь?»

Дальше Скарроу объяснял наши с Яни семейные связи, описал, насколько тот успешен, и сделал вывод, что я пытаюсь воспользоваться эффектом *#MeToo* и очернить его репутацию – «безусловно, из чистой зависти, ведь ее акварельки никогда никого не интересовали».

За кого себя принимает этот кретин? Как он смеет называть меня «дежурной истеричкой», если сам смонтировал запись, оставив только момент, когда я его оттолкнула?!

– Вся история просто дичь какая-то! Я дала свидетельские показания в рамках подготовки процесса, а не откровенничала в соцсетях!

– Знаю, – вздохнула Ванесса, сделав глоток вина. – Наше общество отвратительно. Возможно, вам стоит на неделю-другую исчезнуть из Лос-Анджелеса. Выглядите вы плохо, уж извините за прямоту.

Я только плечами пожала – извиняться было не за что – и сказала:

– Знаю. Я плохо сплю.

– Ваша мать живет на Корфу, верно? Это достаточно далеко, там вы сумеете выдохнуть.

Я покачала головой: лучше умереть, чем ехать к матери.

– Исключено. Вы ведь знаете, как она отнеслась к моему

³ Американский художник поп-арта и уличного искусства 80-х годов.

поступку. Не хочу, чтобы мне каждое утро читали мораль.

– Понятно. А что насчет друзей? Кто-нибудь может вас приютить?

Я издала сдавленный смешок.

– Одна из немногих, кого я числила почти подругой, высказалась в статье Скарроу. Карен меня ужасно разочаровала, хотя ее слова не назовешь злобными, но она могла бы предупредить. Не захотела... Получается, я совсем ничего не понимаю в людях и не умею выстраивать отношения.

– Сочувствую, Флора, – сказала в ответ Ванесса. – В подобных обстоятельствах узнаешь, кто чего стоит, и не всегда радуешься сделанным открытиям. Может, слетаете в Таиланд или на Бора-Бора?

Я поставила стакан, вздохнула и поднялась с дивана, подумав, что она права: мне нужно уехать как можно дальше. Картер просмотрел видео в сети и прислал гневное сообщение: «*Что за игру ты затеяла?!*» Его терпение не безгранично. Мое, кстати, тоже, поэтому я не останусь в Лос-Анджелесе. Каталина – единственное место, где мне хочется спрятаться, но придется отказаться от этой мысли. С одной стороны, остров находится слишком близко, туда любой доберется, если захочет, но главное – встреча с Джем более чем вероятна. Он не ответил на сообщение, которое я в конце концов все-таки отправила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.